

**Валерия Сергеевна
ЖИЛИНСКАЯ,**

старший преподаватель
кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
vszhilinskaya@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Зарождение тоталитарных режимов: социальные и психологические факторы

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-исторических предпосылок зарождения тоталитарного политического режима. Дается характеристика политическим, экономическим и социальным факторам, способствовавшим становлению тоталитарных режимов в Европе после окончания Первой мировой войны. В частности, рассматриваются утрата самоидентичности народа и личности, попытки компенсации этой утраты за счет формирования идеологии, где центральное место отводится государству и нации как сплачивающим факторам. Также в статье разбираются основные характеристики «тоталитарной личности» и понятие «массы» как основной движущей силы тоталитаризма. Уделяется внимание формированию подобного типа личности, а также взаимосвязи между внешними факторами и внутренними морально-этическими началами, складывающимися под влиянием данных факторов. Исследуются психологические механизмы и установки, благодаря которым становится возможным установление тоталитарных режимов и их функционирование. В статье рассматривается связь тоталитаризма с такими характерными для исторического периода формирования основных тоталитарных режимов Европы общественно-политическими явлениями, как империализм, национализм, солидаризм.

Ключевые слова: тоталитаризм, империализм, национализм, механизмы вытеснения, массовое сознание, социальная идентичность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.102-110

Valeriya S. ZHILINSKAYA,

senior lecturer of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
vszhilinskaya@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Emergence of Totalitarian Regimes: Social and Psychological Factors

Abstract. The article is devoted to the analysis of socio-historical prerequisites for the emergence of a totalitarian political regime. The article describes the political, economic and social factors that contributed to the formation of totalitarian regimes in Europe after the end of the First World War. In particular, the loss of the identity of the people and the individual is considered, attempts to compensate for this loss by forming an ideology where the central place is given to the state and the nation as unifying factors. The article

also examines the main characteristics of the “totalitarian personality” and the concept of “mass” as the main driving force of totalitarianism. Attention is paid to the formation of this type of personality, as well as the relationship between external factors and internal moral and ethical principles that develop under the influence of these factors. The psychological mechanisms and attitudes that make it possible to establish totalitarian regimes and their functioning are investigated. The article examines the connection of totalitarianism with such socio-political phenomena characteristic of the historical period of the formation of the main totalitarian regimes of Europe as imperialism, nationalism, solidarism.

Keywords: *totalitarianism, imperialism, nationalism, mechanisms of displacement, mass consciousness, social identity.*

Рассуждая о тоталитаризме, нельзя не затронуть вопрос о том, когда он возникает. Причем возникновение тоталитаризма можно рассматривать в двух аспектах: зарождение идей, содержащих обоснование тоталитарного общества, и формирование собственно тоталитарного политического режима в отдельных государствах.

Истоки тоталитаризма зачастую принято находить еще в трудах Платона, а позже в работах Томаса Мора и Томазо Кампанеллы. В этом есть определенный смысл, поскольку ряд признаков тоталитарного общества описан в трудах этих мыслителей. Однако при этом важно помнить, что все упомянутые работы являются утопическими построениями, никогда реально не существовавшими. Более того, их воплощение представляется практически невозможным.

Реальное же возникновение тоталитарных режимов происходит только в XX в. на базе массового общества, и понимание его возможно лишь на основе изучения социальных, экономических и политических реалий прошлого столетия.

Именно XX в. создал поводы и предоставил возможности для формирования тоталитарных обществ, которые ранее, если даже и представлялись возможными, то исключительно в теории. Вот как об этом высказывается Ильин в своем труде, посвященном тоталитарному режиму: «Еще тридцать лет тому назад никому и в голову не приходило включать в науку права понятие “тоталитарного” государства; не потому, чтобы идея такого государства никогда не появлялась на горизонте историка (это было бы неверно!), а потому, что такой режим казался невозможным и никто его не злоумышлял. Если бы даже кто-нибудь “выдумал” его, то все сказали бы: нет, на земле не найдется ни таких бессовестных и безумных людей, ни таких чудовищных государственных учреждений, ни таких технических орудий и приспособлений, чтобы осуществить эту всепроникающую, всенасиливающую, всерастворяющую политическую машину. Но вот тоталитарный режим стал историческим и политическим фактом, и мы вынуждены с этим считаться: и люди нашлись, и учреждения развернулись, и техника явилась к услугам людей»¹.

В основу общества нового типа ложатся идеи коллективизма, солидарности и единства (расового, национального или классового). Эти ценности нового порядка

¹ Ильин И. А. Наши задачи. М., 2018. Т. 1. С. 56.

противопоставляются классическому буржуазному индивидуализму и значимости отдельной человеческой личности. Ранее господствовавшие культурные, социальные, политические и правовые традиции подвергаются коренной деформации или полному разрушению.

В качестве объективных предпосылок установления тоталитарных режимов многие исследователи называют империализм, колониальную экспансию, имеющую основной целью обогащение метрополии за счет покоренных территорий. Власть в колониях имеет специфические черты и даже приобретает некий ореол романтизма. Представители метрополии наделяются чертами носителей особой миссии, высших идей, им присуще осознание собственной избранности. Достаточно вспомнить Киплинга с его «бременем белого человека».

Основная проблема подобного восприятия состоит в том, что представители метрополии зачастую приходят к отождествлению собственной воли с высшим законом и, следовательно, считают себя выше действия правовых норм. Управление в колониях часто осуществляется в форме декретов, а не на основе законов, принятых в метрополии. Действие законности становится условным, подчиняясь текущим нуждам и воле представителей метрополии.

Связь империализма с тоталитаризмом, на первый взгляд неочевидная, состоит в переносе колониальных методов и принципов управления в метрополию. Однако для основных колониальных держав — Англии, Франции и Испании — описанный Ханной Арендт «эффект бумеранга» был смягчен вследствие удаленности колоний и существенной разницы в культурном уровне между колонизированными народами и населением метрополий.

Иное положение вещей складывается в континентальных империях, в первую очередь в Австро-Венгрии. Кроме подмены законности управлением с помощью декретов, важной чертой подобных колониальных держав является постепенное стирание национальной идентичности. Ни одна из наций, входящих в состав империи, не ощущает полноценной ответственности за свою судьбу. Как результат, складывается идеология, основанная на искусственной, мифической самоидентичности. «Появляется идея некой общей... германской души, некоего особого свойства, присущего каждому индивиду, где бы он ни жил, какими бы правами он ни обладал, который может перемещаться по всему свету и всюду он несет в себе эту особую... германскую сущность»².

Отрицательной чертой самоидентификации такого рода является установка на экспансию, направленная изначально на присоединение более близких территорий, чье население считается «родственным», и при этом «страдающим под чужим игом». Следовательно, экспансия здесь выступает под видом освобождения народов, воспринимаемого населением империи как особая историческая миссия.

Кроме того, континентальным империям присуща постоянная миграция и смешение населения в границах имперской территории. Таким образом, единственным устойчивым социальным институтом становится само государство. Именно в рамках государства люди могут обрести ощущение стабильности и единства. Такое единство начинает восприниматься как нечто высшее, исключаящее

² Бутнер Г. Б. Ханна Арендт о тоталитаризме // Материалы конференции кафедры философии, гуманитарных и естественно-научных дисциплин СФИ. М. : СФИ, 2015.

внутреннюю дифференциацию по любым критериям. Приоритет интересов государства над частными или групповыми интересами становится абсолютным. Для устранения подобной дифференциации считаются допустимыми любые методы, включая насильственные.

Вторым значимым фактором в формировании тоталитарных режимов является идеология национализма и основанные на ней движения. Проблемы с социальной идентичностью, порождаемые политикой колониальных империй, нуждались в компенсации за счет искусственно созданных объединяющих факторов. «Дабы соответствовать этой задаче, государство было вынуждено усиливать все стремления к централизации; только сильная централизованная администрация, которая монополизировала все инструменты принуждения и властные возможности, могла бы составить противовес центробежным силам, постоянно возникающим в классово разделенном обществе. Национализм в таком случае становился ценнейшим средством для скрепления друг с другом централизованного государства и атомизированного общества и фактически оказывался единственно работающей, живой связью между индивидами в национальном государстве»³.

Зарождение тоталитаризма практически невозможно в благополучном обществе. Катализатором для утверждения тоталитарных режимов являются экономические, политические и социальные потрясения. Массы, на плечах которых тоталитарные вожди приходят к власти, не знают стабильности и благополучия, не боятся их утратить, а напротив, желают обрести путем установления нового порядка. При этом в сознании населения укрепляется иллюзия о достижимости быстрых и радикальных изменений к лучшему.

Примером может служить Веймарская республика. Уставшие от долгого не благополучия люди обратили свою злобу против демократического республиканского режима, который не только не удовлетворял их нужды в настоящем, но и не давал надежды на то, что ситуация может измениться к лучшему в ближайшем будущем. Кроме того, население не могло не замечать, что представители власти живут в условиях, далеких от того не благополучия, на которое обречена основная часть общества.

Логично, что в подобных условиях люди придут в восторг от лидеров, обещающих им простые и быстрые решения: достижение экономического благополучия, ощущение национальной гордости вместо чувства унижения и собственной неполноценности, которое испытывало большинство немцев после заключения Версальского договора.

Опорой таких лидеров и движений в первую очередь становились плохо образованные представители масс, не способные подвергнуть даваемые с трибун обещания полноценному критическому анализу. Такие люди не представляли всей сложности экономических и социальных проблем, не разбирались в юриспруденции и сути парламентаризма. В их понимании наиболее простые решения — наиболее правильные. Именно на такой уровень мышления были рассчитаны обещания новых лидеров. Не следует также забывать о том, что большинство нацистских лидеров являлись талантливыми ораторами и, кроме того, по психотипу и собственным потребностям были близки своей аудитории.

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 317—318.

После Первой мировой войны возникает новый субъект социальной деятельности, который политические мыслители называли «массой». Особое место занимает исследование Хосе Ортеги-и-Гассета, однако не только он посвятил себя изучению масс в политической теории. Понятие массы становится ключевым для понимания феномена тоталитаризма, поскольку именно масса явилась идеальной средой для его зарождения и развития.

Ханна Арендт сравнивает «массу» и «толпу» в качестве социальных и политических субъектов. Толпа предшествовала массе в качестве социального субъекта во многих политических режимах прошлого. Толпа обычно объединяет в себе индивидов, выброшенных из стабильных социальных групп. Представители толпы обижены на жизнь и имеют претензии к власти и общественным элитам, а следовательно, несут в себе определенный революционный потенциал, связанный с жадой удовлетворения социального интереса, сплотившего отдельных людей в толпу.

Масса, в отличие от толпы, не имеет единого интереса, изначально она дезинтегрирована. Масса не приемлет многопартийности и многообразия политических движений, поскольку партии и движения возникают на основе осознания общих целей и интересов.

Составляющие массу индивиды, не имея собственных интересов, не способны понимать и учитывать чужие интересы. Любые социальные различия и основанное на них инакомыслие категорически чуждо массам. Представитель массы вообще не понимает, как разные люди могут мыслить и действовать по-разному. Идея обсуждения социальных противоречий, соглашения и компромисса между представителями социальных групп также абсолютно неприемлема для масс. Полная нетерпимость к чужому образу жизни и мнению порождает концепцию единства истины.

Тоталитарные идеи близки и понятны человеку массы, они дают ему недостающее ощущение единства, удовлетворяют его нетерпимость к различиям. Массы охотно наделяют эти идеи свойством единственной и неопровержимой истины, к которой они так стремятся. «Приверженец идеологии способен найти истинную сущность любого события. Ему ясны причины всех войн и революций, подлинные мотивы всех политических решений, настоящие основания всех высказываний и мнений. Все, что он видит в жизни, он рассматривает как следствие принятых им “научных” предпосылок»⁴.

Ошибкой было бы видеть в тоталитаризме насильственное порабощение масс, в определенной мере этот строй, скорее, следствие захвата ими власти. Массы, возглавляемые политическими лидерами, движениями и партиями, по сути, сами возносят этих лидеров и партии к вершинам власти. Их победу массы воспринимают как собственную.

Тоталитаризм может возникнуть только там и тогда, где массы становятся активными участниками политической жизни, где они ощущают себя творцами культуры, в том числе культуры политической. Логично, что до эпохи всеобщего образования, а также быстрого и глобального распространения информации большая часть населения была отрезана от культурных и политических процессов.

⁴ Бутнер Г. Б. Ханна Арендт о тоталитаризме.

Инертность масс была естественным следствием недостаточной грамотности и разделяющего их расстояния. Лишь крайние лишения по временам побуждали простых людей к активным действиям, чаще всего в виде восстаний и бунтов. Однако подобные протесты почти всегда заканчивались неудачей и репрессиями, что в итоге лишь укрепляло массы в привычной для них инертности.

В судьбе любого общества важны не «люди вообще», и даже не «большинство людей», а активная общественная фракция, люди, обладающие пассионарностью, т.е. волей к участию в историческом процессе и принятии решений. Соответственно, настоящий тоталитаризм возможен только там и тогда, где и когда массы людей проявляют пассионарность, в противном случае следует говорить не о тоталитарном, а об авторитарном обществе.

Но массы не могут долгое время пребывать в состоянии пассионарного напряжения. Поэтому авторитаризм как форма политического режима может существовать веками, а вот тоталитаризм недолговечен, потому что требует от общества сверхнапряжения. Если тоталитарный режим не погибает насильственным путем, как германский рейх, то он естественным образом эволюционирует от тоталитаризма в авторитаризм, как франкистская Испания.

Человек массы не ощущает себя автономной личностью, он теряет свою индивидуальность, становясь попросту материалом для реализации целей тоталитарного строя. Именно внутренняя готовность стать таким материалом, отречься от собственной воли служит основой тоталитарных движений. «Целью нацистской пропаганды было обеспечение массы атомизированных, не поддающихся определению, нестабильных индивидов средствами самоопределения и идентификации, которые не только восстановили бы некоторое самоуважение, утраченное этими массами ранее, но и сделали бы их лучшими “кандидатами для организации”»⁵.

Тоталитарные идеологии, как правило, делят людей на три категории. Первая — сверхлюди, чья миссия устанавливать в мире новый порядок, во имя чего они наделяются неограниченными полномочиями и властью. Вторая категория — тот самый материал, направляемый на реализацию текущих целей режима, без особой заботы о благополучии и сохранности составляющих массу индивидов. Те же, кого относят к третьей категории, например низшие расы, обречены на исчезновение, часто путем физического истребления. Они воспринимаются обществом как враги, личные качества представителей этой категории не имеют никакого значения. Их историческая миссия — быть уничтоженными во имя торжества идеи и высшего блага.

Границы между категориями весьма подвижны. Это не сословия в платоновском «Государстве», которое иногда объявляется первым тоталитарным проектом. У Платона сословия строго разграничены, в тоталитарных режимах XX в. все иначе. Никакие заслуги перед государством не дают гарантии, что в один момент человек не перейдет из первой категории в третью.

Тоталитаризм во многом парадоксален. По своему накалу и стремлению к преобразованию общества он может показаться формой революционного мышления, однако в реальности тоталитаризм всегда является формой

⁵ Арендт Х. Указ. соч. С. 470.

контрреволюции. Почти все тоталитарные режимы зарождались после революционного подъема в общества и являлись реакцией на него. Кроме того, большая часть тоталитарных режимов тяготеет к консервативной идеологии и опирается на «правые» политические движения. Также тоталитаризм тяготеет к чрезмерному усилению и централизации государственной власти и бюрократического аппарата.

Еще одна парадоксальная сторона тоталитаризма — мифы, на которые он опирается. В своей основе тоталитаризм может показаться наследником политического романтизма, однако на деле является его антиподом. Романтизм — бунт одиночек против массы, тоталитаризм напротив являет собой бунт массы против одиночек, нещадное подавление любых проявлений индивидуальности.

Преклонение перед разумом, сложившееся на протяжении многих эпох, сменяется культом воли. Разум воспринимается как то, что затемняет суть вещей и в конечном счете мешает действию, а воля — как почти мистическая сила, которая способна преодолеть любые преграды. В такой парадигме возможно достижение практически любых поставленных целей.

Важнейшим фактором является также то, что культ воли основан на поклонении не силе отдельного человека, а силе надчеловеческой — воле целой нации или класса. И для того, чтобы эта коллективная воля могла восторжествовать и достигнуть своего максимума, отдельная личность должна пожертвовать своей индивидуальной волей и полностью подчинить ее воле всеобщей.

Култ воли даже в большей степени, чем недостаточная образованность людей, ответствен за подчеркнуто иррациональный характер любой тоталитарной идеологии и за презрение к науке. Дело не только в том, что люди недостаточно разбираются в науках и поэтому не понимают вздорность тех идей и мифов, которым они привержены. Важнее то, что коллективная воля в их глазах превышает любых объективных вещей и законов. Категория объективной истины, как и идея общечеловеческой морали, эксплицитно отвергается, не потому что люди не в курсе, что под этим подразумевается, а потому, что они устанавливают принципиально иную систему отсчета — «справедливо все, что служит общему делу» или «этого требует закон выживания». В их понимании базовый биологический закон, общий для людей и животных, выше, чем любые придуманные человеческие категории.

Казалось бы, при подобном мышлении культ вождя парадоксален, но в то же время он неизбежен, поскольку кто-то должен эту общую волю направлять. Но вождь в сознании людей при тоталитаризме — это не «король-солнце», который владеет колоссальными ресурсами собственных подданных, а острие тарана, точка, в которую сходятся все коллективные усилия, чтобы через него коллективная воля могла осуществиться, поразить врага или достичь намеченной обществу цели.

Любовь к вождю, доходящая порой до полного обожествления, и пылкая приверженность коллективной идеологии — признаки тоталитаризма, которые чаще всего привлекают к себе внимание. В попытках объяснить причины этих явлений некоторые исследователи доходят даже до идеи массового психоза. Однако логичнее считать проявления любви и раболепия, возрастающие пропорционально уровню репрессий, сублимацией страха.

Еще одна характерная черта тоталитарных режимов — убежденная ложь. Клайв Льюис вспоминает, как слушал выступление Гитлера по радио (в 1940 г., уже после начала войны с Англией и многочисленных авианалетов), в котором Гитлер заявлял, что не хочет войны с Англией и вообще не хочет войны, и ругал тех, кто желает «сравить» Англию и Германию. Льюис замечает, что поймал себя на очень странном ощущении во время этой речи — он точно знал, что говорящий лжет, но тот при этом говорил так убежденно, что Льюис чувствовал, что невольно начинает ему верить.

Данный психологический феномен очень важен для понимания тоталитаризма и переходных социальных форм на пути к тоталитаризму. При его анализе нельзя все свести к убедительной и артистичной лжи. Речь идет об особом, парадоксальном состоянии ума, когда человек — неважно, лидер или кто-то из его последователей — на самом деле верит в то, что говорит, хотя его собственные действия опровергают его слова.

Среди психологических причин тоталитаризма значимую роль играют механизмы вытеснения. Так в тоталитарных режимах большая часть населения знает о происходящих в стране репрессиях, арестах, казнях, но при этом они сознательно переносят свое внимание на внешнюю атрибутику режима: парады и демонстрации, спортивные и культурные мероприятия и т.п. Коллективное сознание словно игнорирует все античеловечные проявления режима, не в последнюю очередь благодаря стараниям пропагандистского аппарата. К примеру, даже когда будущую элиту НСДАП из специальных школ фюрера привозили на экскурсии в концлагерь, для них там создавались «потемкинские деревни». И впоследствии немцы, которым показывали настоящие концлагеря, часто до конца жизни считали, что это инсценировка американской пропаганды. При этом на самом деле они все же знали, что происходит, но их механизмы вытеснения были слишком сильны. Поскольку жить с подобным знанием люди не могли, а выступить против режима и с большой вероятностью умереть были не способны.

Человек в тоталитарном обществе предпочитает жить в выстроенном логическими построениями идеологов простом и понятном мире, лишенном противоречий. Эти люди отрезаны от реальности, они, по сути, добровольно выбирают воображаемый мир, созданный тоталитарной пропагандой. Реальность слишком сложна и противоречива, ее сложно принять, столкновение с ней требует мыслительных и моральных усилий.

Тоталитаризму чуждо понятие чувства вины и ответственности за содеянное. Жертва часто уничтожается не за конкретную вину, а лишь потому, что таково ее историческое предназначение. При таком подходе палачи, в свою очередь, не чувствуют сомнений и угрызений совести, ведь они просто содействуют торжеству великой миссии и исполняют высший закон.

Агрессию оборонительного характера, естественным образом зарождающуюся у людей в кризисные периоды, тоталитарные лидеры и движения умело использовали в своих целях, переводя ее в деструктивный формат: «Реакция на угрозу может сначала носить форму оборонительной агрессии, но, проявив один раз агрессивность, человек как бы освобождается от обычных запретов и преград, а это облегчает переход к другим формам агрессивности, в том числе к жестокости. А дальше все может пойти по типу цепной реакции, при которой в какой-то

момент деструктивность достигает критической массы, и тогда у человека или у целой группы наступает состояние разрушительного экстаза»⁶.

Тоталитарные режимы XX в. потерпели поражение. Последним «заповедником» тоталитаризма в современном мире можно считать Северную Корею. Однако изучение данного феномена имеет не только научно-академическое, но и практическое значение. Для эффективного предотвращения возможного формирования тоталитарных режимов в будущем важно понимать, какие социальные механизмы и свойства человеческой психики порождают подобное явление. Низложение главенствующих в XX в. тоталитарных идеологий не означает, что на смену им не могут прийти новые. Место «высшей расы» или «класса-гегемона» могут занять другие социальные, национальные или религиозные группы, возомнив себя исполнителями исторической миссии и великого предназначения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М., 1996.
2. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. — М., 2012.
3. *Бутнер Г. Б.* Ханна Арендт о тоталитаризме // Материалы конференции кафедры философии, гуманитарных и естественно-научных дисциплин СФИ. — М. : СФИ, 2015.
4. *Ильин И. А.* Наши задачи. — 2018. — Т. 1.
5. *Кноп Г.* «Дети» Гитлера. — М., 2004.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М. : АСТ, 2016.
7. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М. : АСТ, 2022.

⁶ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2022